

За всех в ответе

Текст
Ольга Троицкая
психолог
семейный
психотерапевт

Вроде бы все мы, взрослые люди, хорошо знаем, что одно из самых важных условий успешного воспитания и душевного комфорта ребенка – согласованность действий старших членов семьи. Но на практике бывает, что каждый из нас преследует свои цели и действует своими методами. А сбитый с толку ребенок не знает, как всем угодить...

Алеше 9 лет. Его папа много работает, а значит, мало бывает дома. Растят мальчика мама и бабушка. Алеша с рождения слышит, что он хороший мальчик, если слушается старших, аккуратен, не кричит и не бежит, повзрослому рассуждает, неторопливо и подробно, чтобы бабушка так же спокойно и неторопливо могла с ним разговаривать. Он знает, что бегать и прыгать можно в спортивной секции, а не на улице, и что «нормальный мальчик не толкается, не орет, как сумасшедший, и не бросается хлебом». Маме и бабушке с ним действительно удобно и спокойно, но в 3-ем классе у него не очень складываются отношения с мальчишками. Статуса отличника, который мог бы его защитить, у Алешки нет. На переменах его толкают, дразнят, не берут в игру.

Правила против правил

В воспитание сына, привлеченный женой и тещей, включается папа – вспоминает свое детство и быстро находит выход. Он объясняет Алеше, что тот ведет себя, как маменькин сынок, что «этим» надо показать силу: «на тебя орут – и ты ори, толкнули – ударь, надо себя поставить, иначе затопчут». И теперь по вечерам папа спрашивает у сына не про от-

метки, а: «ну как, ты их построил?» Мама и бабушка пугаются, и в свою очередь пытаются со своей – женской – стороны смягчить ситуацию. Объясняют мальчику, что так вести себя неправильно, предлагают сходить в школу и поговорить с учительницей.

На это папа отвечает, что тогда Алеше в классе «не жить» и настаивает на своем решении.

В этой ситуации Алеше очень хочется поддержать отношения с папой, который его заметил, и попытаться вести себя храбро и агрессивно. Но в момент этой попытки он нарушает правила мамы и бабушки... и испытывает чувство вины. А если он ведет себя, как учат мама и бабушка, то виноват перед папой: он не настоящий мальчик, не его сын. В итоге у мальчика, которого привели на консультацию, буквально развился социальный невроз: в школе он демонстрировал себя как жалкая, неуверенная и вечно виноватая жертва, а дома стал вести себя неуравновешенно и агрессивно, срываться на крик.

Ребенок оказался в ловушке вины: он не смог определить, что правильно для его семьи, а что является нарушением правил. Выходом для него стал уход в чувство стыда: не «я делаю неправильно», а «я плохой, никудышный, слабый». Так он вел в школе. Постоянно быть в этом состоянии он не мог, и тогда срывался на обвинение окружающих: это не я, это

вы во всем виноваты, это вам должно быть стыдно!

Помочь ребенку здесь могло только прояснение требований взрослых – соответственно, пришлось работать не с ним, а с папой-мамой-бабушкой. Это взрослым необходимо было научиться разговаривать друг с другом, выяснить, чего на самом деле они хотят от ребенка, чем действительно они могут помочь. И только после этого давать сыну или дочери конкретные рекомендации в поведении.

Осторожно: граница!

Человек маленький (или большой), имея дело с проявлением таких сильных архетипических чувств (архетипические – присущие всем людям, передающиеся из поколения в поколение с помощью слов, мифов и сказок нормы, правила, образы, способы выражения чувств), как вина и стыд, прежде всего должен ограничить область своей ответственности. А ребенку надо в этом помочь. В ситуации Алеши: есть ответственность родителей, не научивших его общаться со сверстниками; есть ответственность учителя, не отследившего происходящее в классе и не восстановившего справедливость; есть ответственность одноклассников – нельзя казнить человека не за проступок, а за неумелость (очень распространенный у нас способ борьбы за власть, приводящий к де-

довщине – через вину жертвы); и есть ответственность Алеши – научиться общаться с мальчиками, не роняя собственного достоинства.

Когда мы начали прояснять все это с Алешей, то достаточно долгое время он пытался взять всю ответственность на себя, и твердил «это я» или рассказывал, какие все плохие. То есть ходил между стыдом и поиском вины в других. Но постепенно, с помощью родителей, мальчик ограничил свою ответственность, и стал вполне по-детски рассказывать, что уже получается, а что еще нет, и глаза горели желанием «чтобы получилось!»

Самым страшным в чрезмерных вине и стыде является то, что они гасят желание добиваться и делать. И всем нам не помешало бы, с уважением относясь к вине за конкретный проступок и к стыду за дело, научиться вовремя оставлять их в прошлом, а в настоящем искать силы и желание делать лучше, делать по-другому.

Сделанное не воротишь, ничего нельзя исправить в этом мире, но можно признать вину, устыдиться, и в дальнейшем делать лучше, правильнее, справедливее. Это не просто, но если попробуем мы, взрослые, то, глядишь, и наши дети смогут идти по жизни с гордо поднятой головой и не горбиться под гнетом вины.